

тұлғасын арнайы алып зерттеуді қолға алу керек. Сондықтан қазіргі кездегі филолог студенттердің тілдік тұлғасын қалыптастырып дамытудың теориялық негізін тәжірибемен сабақтастыра қарастыру міндеті тұр.

Көптілді тілдік тұлғаны қалыптастыруда кедергі жасайтын факторларды анықтап алу қажеттігі туындайтыны сөзсіз. Сондай-ақ цифрлік технологиялық ортаның, кейбір цифрлік анимациялық контенттің, мәселен, отандық және шетелдік тәжірибені қолданудың жастардың танымдық дамуына әсерін зерттеу қажет. Жаңа технологияларды қолдану негізінде жастардың сөйлеу дағдыларының интенсивті дамуына ықпал ететін цифрлік анимациялық контенттің тіл үйренудегі маңызын анықтауымыз қажет; студенттердің сөйлеу әлеуетін көтеруге ықпал ететін медиа әсерін де қарастыру қажет [6].

Қорытындалай келе, тілді антропоэзеттік парадигмада зерттеу – қазіргі лингвистика ғылымында негізгі және перспективалы жалпы ғылыми қағидаға айналғаны белгілі, антропологистиканың ғылыми бағдарламасы – *Тілдік тұлға* деп аталатын негізгі ұғымның төңірегіне шоғырланатын бүкіл өзекті мәселелері көп қырлы бағыт.

Осындай күрделі мәселелердің барлығы тілдік тұлға феноменінің маңайына шоғырланады. Қазақ тіл білімінде бірқатар ақын-жазушылар мен ғалымдардың тілдік тұлғасына арналған зерттеулер жарық көргенімен, көптілді филолог студенттің Тілдік тұлғасына арналған еңбек жоқ деуге болады. Келешекте осы мәселе төңірегінде зерттеу жұмысын жүргізу көзделеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1 Исақова А.С. Қазақ тілді филолог студенттердің тілдік тұлғасын қалыптастырудың лингвомәдени негіздері. Алматы, 2010. Канд.дисс.автореф. 25 б.

2 Тоқаев Қ.К. Тәуелсіздік бәрінен қымбат. <https://qazaqstan.tv/news/135530/>

3 Мажитаева Ш. Қазақстан Республикасындағы тілдердің даму барысы//Тарих кеңістігіндегі тілдерді дамытудың өзектілігі: республикалық ғылыми-практикалық конф. материалдарының жинағы. – Қарағанды, 2016. – Б. 32-37.

4 Mazhitaeva Sh., Ahmetova A., & etc. Development of languages in Kazakhstan // Вестник РУДН. –2016. – №4.– С.50-56 /<http://journals.rudn.ru/education-languages/issue/view/>

5 Хан Н.К. Полиязычная лингвистическая компетенция как средство формирования конкурентоспособного специалиста // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Научный журнал. – М., 2013. – №08 (55). – С. 287-290; Мажитаева Ш.,Ибраимова Ж.Ж., Рапишева Ж.Д. Языковая компетентность как инструмент профессиональной подготовки специалиста // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. – 2014. –С.131-133.

6 Мажитаева Ш. Үштілділік – заман талабы // Ауызша және жазба коммуникациядағы дәстүр мен белсенді үдерістер: халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. – Алматы, 2021. – Б. 201-204.

7 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Издание 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.

8 Богин Г.И. Некультурная коммуникация // Человек говорящий: Язык, культура, познание. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 70-85.

9 Оразалиева Э.Н. Қазақ тіл біліміндегі когнитивтік парадигма. –Алматы, 2007. Докт.дисс.қолжазбасы. 302 б. Уәли Н. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері: филол. ғыл. докт. ...дисс.: 10.02.02. – Алматы, 2007. – 328 б

10 Касаинова А. А. Е.А.Бөкетов – екінші тілдік тұлға. Ұлы дала халқының рухани-адамгершілік жаңғыру және цифрландыру дәуіріндегі жастардың этникалық тәрбиесінің жаһандық және ұлттық трендтері: Халықаралық ғылыми-практикалық онлайн-конф. материалдар жинағы. – Орал, 2021. – Б. 466-470.

11 Байболат Л.Б. (Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті) Мультимедияның қазақ тілін оқытудағы тиімділігі // Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Хабаршысы. №1(50). – Б.122-127, 2021.

УДК 82

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТОПОСЫ ПАМЯТИ И ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ ЕВНЕЯ БУКЕТОВА

Муханова Р.У., Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

В статье проводится анализ художественной и эпистолярной прозы Евнея Арстановича Букетова сквозь призму категорий памяти и времени. Рассматривается, как научное мировоззрение автора детерминирует специфическое моделирование временного континуума и преобразование личного мнемического опыта в универсальные философские обобщения. Доказывается, что проза Букетова представляет собой целостную систему, где топосы памяти функционируют как связующее звено между индивидуальной рефлексией, историческим сознанием и культурной традицией.

Литературное творчество академика Евнея Букетова, являющееся органичной частью его интеллектуального наследия, до сих пор остается полем для продуктивного научного поиска. Если его научные труды представляют собой строго выверенную систему знаний, то его проза — это сложноорганизованная художественно-философская система, центрированная вокруг осмысления фундаментальных категорий человеческого бытия. Среди них категории памяти (мнеме) и времени (хроноса) занимают центральное, структурообразующее положение. Целью данной работы является выявление и анализ ключевых литературных топосов (устойчивых смысловых моделей и мест), посредством которых Букетов артикулирует свою концепцию времени и памяти, превращая личный опыт в достояние коллективного культурного сознания.

Прозу Букетова, в частности цикл эссе «Грани творчества» и эпистолярный сборник «Шесть писем другу», невозможно адекватно интерпретировать вне контекста его научного мышления. Для него органично свойственно стремление видеть в единичном проявлении закономерность, в частном — отражение общего, а в субъективном переживании — возможность объективного философского вывода. Этот метод мышления, укоренённый в его исследовательской практике, определяет и структуру его прозы, где личная память выступает не как хаотичный поток впечатлений, а как дисциплинированное поле анализа, подчинённое внутренней логике осмысления. Каждое воспоминание у Букетова функционирует не только как свидетельство частного опыта, но и как своеобразный эксперимент, призванный выявить закономерности человеческого существования. «Труд ученого — это такой род умственной работы, которая захватывает все существо человека» [3, с. 13], — пишет он, и эта «тотальность» мышления пронизывает его тексты, превращая акт воспоминания в форму философского исследования.

Такое отношение к памяти сближает Букетова с европейской традицией философии и литературы XX века. В частности, можно провести параллель с концепцией Анри Бергсона, для которого память — это не пассивное хранение, а активная сила сознания, способная преодолевать границы линейного времени. В прозе Букетова мы видим тот же процесс: прошлое оживает в настоящем, не как музейный экспонат, а как активно работающий механизм рефлексии. Именно поэтому его мемуарные тексты не сводятся к описанию событий, но всегда тяготеют к философскому обобщению. Одним из наиболее значимых художественных приёмов, через которые Букетов воплощает эту концепцию, становится топос «утраченного аула» или «исчезнувшей родины детства». Этот мотив обладает не только автобиографическим, но и символическим значением. Он возвращает читателя к тому пространству, где формировалась личность автора, но в то же время показывает, что это пространство уже утрачено, вытеснено новым порядком. В этом двойном движении — сохранении и утрате — заключена диалектика памяти, позволяющая увидеть, что прошлое не может быть восстановлено в своей непосредственности, но может быть переосмыслено и заново прожито через акт воспоминания.

В «Шести письмах другу» Букетов создаёт яркий образ столкновения прошлого и настоящего: «Поехал я недавно в аул, моих лугов нет, но есть безбрежные поля... по которым ползает большая машина, похожая на громадного паука... Кто же теперь, после этого, будет ходить с дедовской косой за плечами?» [3, с. 125]. В этом фрагменте особенно показателен контраст между «дедовской косой» и «машиной-пауком». С одной стороны — ручной труд, тесно связанный с природным циклом, с ритмами земли и тела; с другой — обезличенная техника, символ прогресса, но также и символ разрыва с традицией. Сравнение машины с пауком несёт в себе скрытую тревогу. Паук — это существо, которое плетёт сеть, но в культурной символике он часто ассоциируется с ловушкой, с чем-то механическим, бесстрастным, чуждым человеческой теплоте. Для Букетова эта метафора выражает не только восхищение могуществом техники, но и страх перед утратой живой связи с землёй, с телесностью, с трудом, который объединял поколения. Таким образом, образ «машины-паука» становится не только свидетельством перемен, но и знаком необратимости хронологического разрыва, когда один тип времени — циклическое время природы и сельского труда — окончательно вытесняется другим — линейным, индустриальным временем прогресса.

Топос утраченного аула в этом контексте приобретает функцию своеобразного «места памяти» в понимании Пьера Нори: он сохраняет в себе не только личные переживания, но и культурные коды, коллективные формы идентичности, уходящие в прошлое. Воспоминание о детстве в ауле для Букетова — это не просто личная ностальгия, это форма сопротивления забвению, способ сохранить в культуре те ценности, которые иначе могли бы быть безвозвратно утрачены.

Важно отметить, что этот топос у Букетова не замыкается в романтической идеализации. Автор видит в утрате и неизбежность, и болезненность, и продуктивность. Исчезновение аула как реальности парадоксально превращает его в символическую константу, в точку сборки идентичности, вокруг которой можно выстраивать философские обобщения. Утрата становится источником рефлексии, а рефлексия — источником нового смысла. В литературоведческом плане этот приём можно связать с бахтинским понятием хронотопа. «Утраченный аул» у Букетова — это не только место, но и особая форма времени: замкнутое, циклическое, ритмическое. Когда автор возвращается к нему в воспоминаниях, он восстанавливает не только пространственный образ (луга, коса, дом), но и целую систему временных координат, в которых существовало его детство. Противопоставление этому хронотопу современного индустриального времени создаёт драматическое напряжение, определяющее тональность текста. Таким образом, топос утраченного аула выполняет сразу несколько функций: автобиографическую (фиксирует важный этап личной истории), философскую (позволяет осмыслить диалектику времени и прогресса) и культурную (сохраняет исчезающие коды коллективной идентичности). Именно в этой многослойности проявляется специфика букетовской прозы: каждое воспоминание оказывается не только личным фактом, но и частью более широкой системы смыслов.

В итоге мы можем сказать, что в прозе Букетова память не сводится к ностальгическому жесту. Она становится инструментом философского познания и культурного анализа. Через топос «утраченного аула» автор показывает, что прошлое, хотя и необратимо ушло, остаётся источником энергии для размышления о настоящем и будущем. В этом смысле его проза близка к традиции философской мемуаристики, где прошлое всегда выступает проводником к универсальному. Второй ключевой топос — топос «лабиринта памяти», где прошлое предстает не линейной последовательностью, а многомерным, сложноорганизованным пространством, требующим усилий по его прохождению и deciphering (расшифровке). Уже сама метафора «лабиринта» задает представление о мнемическом опыте не как о прямой дороге к истине, а как о запутанном, фрагментарном движении, где шаг вперёд часто сопровождается блужданием, возвращением, ошибкой. Для Букетова память — это не гладкое зеркало, а сложное переплетение коридоров, где поворот может привести к неожиданному открытию, но может и вернуть к тому же самому месту.

Он постоянно подчеркивает фрагментарность и эмоциональную заряженность воспоминаний: «У меня их, как видишь, тоже немало. Но я в это же время знаю, что каждому дороге свое, личное; что детали прошлого, от которых

трепетно вздрагивает сердце, не всегда вызывают подобное же чувство...» [3, с. 131]. Здесь память предстает как субъективный выбор: не факты сами по себе имеют ценность, а их аффективный отпечаток, способность задевать струны души. В этом смысле Букетов близок к Марселю Прусту, для которого воспоминание рождается не как акт воли, а как внезапный, почти телесный отклик на деталь (вкус мадленки, запах лип). Так же и у Букетова, прошлое возвращается не в хронологическом порядке, а в форме вспышек, озарений, которые подчиняются логике чувств, а не логике истории. Лабиринт памяти у Букетова наполнен «острыми углами, шипами и заусеницами» [3, с. 17] прошлых ошибок и сомнений. Важно, что автор не стремится сгладить эти углы или обойти их, наоборот, он фиксирует болезненные моменты, превращая их в материал для философского анализа. Его память работает как критическая рефлексия, которая не только сохраняет, но и оценивает, переосмысляет, переводит личный опыт в универсальные категории. Эта позиция сближает Букетова с философией памяти Поля Рикёра, для которого воспоминание всегда связано с актом интерпретации, с этическим выбором между забыванием и сохранением.

Таким образом, топос «лабиринта памяти» можно рассматривать как модель внутреннего самоанализа, где движение по коридорам воспоминаний — это в то же время и движение по коридорам собственной личности. Автор возвращается к прошлому не ради фиксации фактов, а ради их экзистенциальной переработки, которая позволяет выстроить целостный нарратив о самом себе. В этой мнемонической архитектуре каждая деталь, каждое событие приобретает ценность не само по себе, а в контексте общей карты, которую выстраивает сознание. Однако особенность букетовской концепции памяти в том, что она не ограничивается индивидуальной биографией. Важнейшим аспектом становится топос «научного преемства», где время мыслится не как линейный вектор, направленный из прошлого в будущее, а как кумулятивный процесс накопления и наследования знаний. Этот топос напрямую связан с его научным мировоззрением, с опытом исследователя и организатора науки.

В «Грнях творчества», размышляя о природе научного знания, Букетов пишет: «естественные науки... представляют собой здание, в которое кирпич укладывался за кирпичом» [2, с. 92]. Эта метафора «здания науки» чрезвычайно показательна. Во-первых, она указывает на кумулятивный характер знания: каждый исследователь добавляет свою «кирпичину» в общее строение, и ценность этого вклада определяется его прочностью и надежностью. Во-вторых, она подчеркивает хрупкость и взаимосвязанность структуры: попытка «вынуть» один элемент может привести к обрушению всего здания. Таким образом, научное знание мыслится как органическая целостность, где индивидуальные усилия обретает смысл только в рамках общего проекта. Для понимания букетовской модели времени это принципиально важно. В отличие от субъективной памяти, работающей с личными переживаниями, научное преемство создает коллективную память человечества, где прошлое не исчезает, а сохраняется в виде накопленного опыта. Каждый ученый, включая «безымянных работников познания» [2, с. 93], становится частью этого вечного здания, преодолевая ограниченность собственной биографии. Здесь память обретает надличностный, трансисторический характер: она перестает быть индивидуальной и превращается в культурный код, связывающий поколения исследователей.

Здесь мы можем увидеть своеобразный парадокс: личная память у Букетова наполнена сомнениями, «шипам и заусеницами», тогда как научная память предстает как устойчивая, прочная структура, где каждый кирпич находит своё место. Но именно благодаря этому напряжению возникает динамика его прозы: автор постоянно движется от хаоса субъективного воспоминания к порядку коллективного знания, от лабиринта к зданию.

В итоге топос «лабиринта памяти» и топос «научного преемства» образуют у Букетова своеобразную диалектическую пару. Первый выражает индивидуальную дезориентированность и поиск, второй — коллективную устойчивость и преемственность. Первый связан с эмоциональным опытом, второй — с рациональным знанием. Первый отражает текучесть времени, второй — его кумулятивность. Вместе они создают уникальную модель взаимодействия личного и культурного, субъективного и объективного, памяти и истории.

Такое соединение индивидуального и универсального делает прозу Букетова особенно ценной для современного читателя. В ней мы находим не только отражение личной биографии автора, но и развернутую философию памяти, в которой переплетаются личное переживание, культурная традиция и научная рефлексия. Проведенный анализ позволяет утверждать, что литературное творчество Евнея Букетова представляет собой целостную художественно-философскую систему, организованную вокруг сложного взаимодействия топосов памяти и времени. Унаследовав от научной практики стремление к системности и аналитической глубине, Букетов-писатель преобразует личный мнемический опыт в универсальные экзистенциальные модели. Топосы «утраченного аула», «лабиринта памяти», «научного преемства» и «эпистолярного диалога» выступают в его прозе не просто как риторические фигуры, но как инструменты познания, позволяющие автору совершить работу по сбору и осмыслению собственной идентичности в потоке истории.

Его проза убедительно демонстрирует, что память — это не пассивное хранилище, а активная, творческая сила, способная не только сохранять прошлое, но и придавать смысл настоящему, а также проецировать ценности в будущее. Спустя столетие со дня рождения академика Букетова его литературное наследие продолжает оставаться актуальным, предлагая современному читателю глубокую и тонкую методологию работы с собственным прошлым и диалога с временем.

Список использованной литературы

1. Значение литературы в творчестве академика Е. А. Букетова / Даниярова А.Е., Данияров Н.А. — Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсо — 2013. — С. 155–159.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, воспоминание о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Букетов Е.А. Грани творчества: Очерки. — Алма-Ата: Жазушы, 1977. — 124 с.
4. Букетов Е.А. Шесть писем другу. — Алматы: Жалын, 1989. — 288 с.